Евгений Савицкий

Preposterous History: анахроничное Средневековье на рубеже XX–XXI веков

В статье рассматривается место анахронизмов в переосмыслении подходов к изучению средневековой истории на рубеже XX–XXI вв. В качестве примера рассматриваются американские исследования, определяемые как «новый медиевализм», и в особенности один аспект: размышления над понятием инаковости, которое можно понимать не только как ***alterity***, но и как нечто, что определяется как ***queer*** и особенно как ***preposterous***. В этом последнем понятии соединяются значения временного (отсутствия) порядка и противоестественности, нарушения иерархий, абсурдности, монструозности, глупости, безумия. Таким образом, вопрос об анахронизме оказывается связан с целым рядом иных тем, важных для исторических и теоретических исследований рубежа XX–XXI вв. В статье новомедиевалистское понимание инаковости помещается в контекст более ранних дискуссий о своеобразии средневековья и о допустимости анахронизмов в историописании — от стремления к полному искоренению анахронизмов в профессиональной историографии XIX–начала XX вв. до их частичной реабилитации в новой культурной истории начиная с 1970-х годов, особенно под влиянием работ Ж. Ле Гоффа. На взгляд автора, при всей важности влияния третьего поколения школы «Анналов», она остается в рамках старых различий между реальностью и репрезентацией, в то время как новые медиевалисты переносят внимание на само различие, которое организует это противопоставление и пытаются его историзировать как применительно к средневековью, так и в связи с этим применительно к современной культуре. Особое внимание уделяется политическим коннотациям историзма и анахронизма, различных режимов историчности. В заключение снова говорится о важности понятия preposterous и его риторической предыстории.

Ключевые слова: анахронизм, медиевализм, историография, темпоральности

1 Савицкий Евгений Евгеньевич — старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры истории и теории культуры РГГУ. Научные интересы: современная историография, история в публичном пространстве, интеллектуальная история. E-Mail: e.savitski@gmail.com
Evgenii Savitskii — senior researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, associate professor at the Department of Cultural History and Theory of the Russian State University for the Humanities. Research interests: contemporary historiography, public history, intellectual history. E-Mail: e.savitski@gmail.com
Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Механизмы формирования исторической памяти в обществе и принципов исторической политики».

Evgenii Savitskii
Preposterous History: anachronistic Middle Ages at the turn of the XX–XXI centuries

The article deals with the place of anachronisms in the debates about how medieval history should be studied in the late XX and early XXI cent. As an example were taken works of American historians known as new medievalists, and in particular two aspects discussed there: rethinking the notion of alterity, which is related to the definition of something as queer and especially as preposterous. In this last notion are related in a very particular way the meanings of a temporal (absence of) order, of unnaturalness, of disturbing hierarchies, absurdity, monstruosity, folly, madness. So the question of a wrong temporal order, of anachronism, through this notion is related to a range of other issues, which are of importance for historical and theoretical research at the turn of the XX-XXI cent. In the article the understanding of alterity by the new medievalists is related to a broader context of the earlier discussions about the specific character of the Middle Ages as an epoch and about the possibility of anachronisms in historical writing —from a desire no annihilate the anachronisms completely in the professional historiography of the XIX and early XX century up to their partial legitimation in the new cultural history of the 1970s, especially under the influence of works by J. Le Goff. But, as is here argued, despite all the importance of the influences from the third generation of the «Annales» school, which reproduces the old opposition between reality and representations, new medievalists are doing something different, questioning and historicizing the opposition itself, and doing it not only with the Middle Ages, but also our contemporary historical culture in view. A special attention is given in these researches to the political connotations of historicism and anachronism, to the different regimes of historicity. As a conclusion will be discussed again the notion «preposterous» and the relevance of its rhetorical connotations.

Keywords: anachronism, medievalism, historiography, temporalities

В 2000 г. в серии «Новые средние века» американского издательства «Палгрейв» вышел сборник под названием «Постколониальные Средние века», включивший в себя статьи «Возвращаясь из изгнания: Данте в Восточном экспрессе», «Чосер после Смитфилда: от постколониального писателя к автору-империалисту», «Время, скрытое за покровом: Медиа, Средние века и ориентализм сегодня», «Исследования аборигенного населения: ориентализм и медиевализм», «Фетишизм, 1927, 1614, 1461» и целый ряд других подобного рода текстов [Cohen, 2000]. Этот изданный Джефри Джеромом Коэном сборник — не единственный в серии «Новые средние века», раздражающий нарочитым анахронизмом названий. Читателю предлагаются также книги «Постисторические Средние века» под редакций Элизабет Скейлы и Сильвии Федерико [Scala, Federico,

2009], «Экофеминистские субъективности: Говорящие птицы Чосера» Л. Кордеки [Kordecki, 2011], «Понять схоластическую мысль с Фуко» Филиппа Роузмана [Rosemann, 1999] и др. Подобные книги издаются не только издательством «Палгрейв», но и в серии «Средневековые культуры» издательства Университета Миннесоты, в серии «Прочитывая средневековую культуру» Стэнфордского университета, а также вне всяких серий во многих других академических издательствах. Американские профессиональные историки, филологи, искусствоведы десятками выпускают книги, которые возмутили бы исследователя, воспитанного на уважении к принципу историзма. Эти тексты мало известны в России, потому что выглядят странными, не соответствующими академическим критериям, которые до сих пор воспроизводятся в российских университетах. Недостаточная рецепция такого рода исследовательской литературы — очевидное свидетельство сохраняющегося разрыва в теоретических горизонтах, непонимания некоторых базовых посылок, которые с 1970-80-х годов существенно влияют на производство исторического знания в США и в какой-то мере в Западной Европе.

В предисловии к сборнику «Создавая квир-Средневековье»[1] Гленн Бюргер и Стивен Крюгер определяют такой подход к прошлому как *preposterous* [Burger, Kruger, 2001, p. XI-XV]. Это слово в какой-то мере синонимично понятию «квир», отсылая к тому, что «противно природе, разуму или здравому смыслу; абсурдно, бессмысленно». Так, *preposterous* может определяться также «монструозное», «иррациональное», «извращенное», просто «глупое». В то же время этимологически слово имеет и другое, более близкое к буквальному значение, связанное с раздвоением некоторого явления между предшествованием (*prae*) и последованием (*posterus*), с неопределенностью или ненормальностью его места во (временном) порядке. Вздорная противоречивость временной локализации лишь постепенно, как отмечает К. Рутвен [Ruthven, 2004, p. 345], становится воплощением вздорного, глупого, абсурдного как такового. В раннее Новое время это слово означало скорее «поместить позади нечто, что должно идти первым; переворачивание обычного порядка». Схожим было и значение этого слова в классической латыни (*praeposterus* как определение превратного порядка у Лукреция, как идущего наперекор законам природы у Овидия). Таким образом, в этом понятии утверждение ясной и правильной временной локализации оказыва-

1 Queering the Middle Ages, что трудно перевести на русский язык, сохраняя весь спектр коннотаций: это и переоткрытие гомосексуального в Средневековье, и остранение этой эпохи по отношению к современной культуре, и ее «извращение», внесение в нее нарушений, делание ее гетеронормативной в широком смысле.

ется связано с сообразностью природе, разуму, установленным градациям и иерархиям. Соответственно проблематизация этого понятия имеет целью показать, в какой мере утверждение гомогенного временного порядка имеет более широкие культурные коннотации и одновременно — что утверждение культурной гетерогенности в современном обществе требует пересмотра того, что и в профессиональной историографии, и в популярной культуре воспринимается как естественный порядок времени, как единственно верный режим историчности.

Рассуждения Бюргера и Крюгера — часть усилий большого числа американских (и не только американских) историков-медиевистов по переосмыслению тех режимов знания, которые определяют на рубеже XX–XXI веков производство знания о прошлом [Freedman, Spiegel, 1998]. Одним из ключевых вопросов тут является то, как следует осмысливать «инаковость» (*alterity*) Средневековья, насколько это подразумевает усиление историзма или, наоборот, его ослабление.

Одной из наиболее ранних форм осмысления особости Средневековья является отсылка к внешним, «объективным» или «материальным» отличиям этой эпохи. К примеру, феодальная экономика была иной по отношению к капиталистической, средневековый символизм — иным по отношению к современному, положение женщин в Средние века было не таким, как сейчас, восприятие телесного отличалось и т.д. Объективность различий при этом не препятствует рассмотрению прошлого при помощи современных понятий, таких, как «формы государственности», «экономики», «индивидуальности», «символизма», «фемининности/маскулинности» или «телесности».

При всех своих существенных различиях явления средневекового и современного, или же средневекового и античного миров сопоставимы, и именно в таком сопоставлении их своеобразие можно выявить. Такое сопоставление не обязательно должно отличаться эволюционизмом или телеологичностью, хотя косвенно и склонно к этому, поскольку подразумевает хотя бы имплицитное существование во все времена государственности, экономики, символизма и т.д. Эти явления могут быть выявлены в прошлом и изучены независимо от того, насколько используемые для их обозначения понятия соответствовали сознанию людей того времени, их самовосприятию. События прошлого могут иметь объяснения, к которым были не способны люди того времени, как, например, климатические изменения.

Отличие современного общества от прошлого проблематизируется в рамках этого подхода в той мере, в какой он стремится искоренить анахронизмы, — то, что объективно не принадлежит исследуемому времени. В этом смысле историк не должен «модернизировать» Сред-

невековье, переносить в прошлое элементы современной ему реальности. Симметрично борьбе с анахронизмами возникает проблема ложной экзотизации Средневековья, рассмотрения его как целостности, слишком строго отграниченной от Нового времени.

В силу этого для такой медиевистики с ее объективным пониманием отличий характерны споры о границах Средневековья, о средневековых Возрождениях (от Ч.Г. Хаскинса до С. Джегера) и Реформациях (Б. Болтон, Р. Маккитерик), о возникновении новоевропейского индивидуума (от Я. Буркхардта до П. Хайду), конце античной и начале новоевропейской экономики (А. Пиренн, Ж. Дюби, Ф. Бродель), обретении народными языками способности быть средством выражения в таких областях, где раньше могла использоваться лишь латынь (Х.Ф. Мюллер, Ф. Лот, М. Рихтер) и проч., вплоть до сложных конструкций многоуровневых темпоральностей, обладающих различной длительностью временных структур, в рамках которых переходы от одной эпохи к другой хронологически не совпадают (Ф. Бродель, Р. Козеллек, Г. Роза). Отсюда может следовать, что любое историческое изменение относительно, ибо внутри всякого периода можно выделить и различия, и преемственности, а преобладание того или иного аспекта зависит от избираемой исследователем перспективы (Л. Стоун).

Дискуссии такого рода продолжаются уже долго, что, однако, не означает исчерпанности темы. В них появляются и ранее не использовавшиеся аргументы, имеющие отчетливо актуальную значимость. Так, например, английский медиевист Джулия Смит в 2000 г. поставила вопрос о том, был ли конец Римской империи в женской истории [Smith, 2000, p. 552-571]. Статья Смит как бы дополнила вышедшую в 1984 г. книгу Дж. Келли «Женщины, история, теория», в которой ставилось под сомнение, в какой мере можно говорить об эпохе Возрождения для женщин [Kelly, 1984]. Примерно тогда же, когда появилась статья Смит, ее американская коллега К. Биддик [Biddick, 2001, p. 193-212] увидела в выделении «средневековой эпохи» со свойственным этому понятию европоцентричным универсализмом своего рода исторический колониализм: так, перенесенное в индийскую историю для описания времен индуистского, мусульманского и британского господства деление на Древность, Средневековье и Новое время служит дискриминации мусульманского периода как «темных веков». Еще ранее Э. Леруа Ладюри писал о том, что делению на Древность, Средневековье и Новое время не подчиняется «неподвижная история» европейского крестьянства. В 2003 г. П. Скиннер [Skinner, 2003, p. 219-247] обратила внимание на столь же особый ритм истории европейских евреев. По мнению Скиннер, даже общепринятое сегодня использование понятия «Средневековье» просто как условного обозначения пери-

ода между 500 и 1500 годами не является абсолютно нейтральным, поскольку само выделение хронологических рамок несет в себе подсознательное пренебрежение историей целых групп населения средневековой Европы, для которых, к примеру, распространение христианства могло не быть (наиболее важной) составной частью их прошлого.

Наконец, в начале 2000-х годов тема преемственности со Средневековьем приобрела особую актуальность в дискуссии именитых медиевистов (Ж. Ле Гофф, М. Миттерауэр, М. Боргольте и др.) об истоках культурного единства современного Евросоюза [Goez, 2000; Borgolte, 2001; Escudier, Sauzay, von Thadden, 2001; Le Goff, 2003; Mitterauer, 2004; Borgolte, 2004]. Однако эта дискуссия хорошо показывает, насколько далеко современные обсуждения вопроса о границах времен ушли от того образа объективного времени, который существовал еще для Пиренна, Лота и даже Козеллека.

Так, проект «Сотворение Европы» («Faire l'Europe») под руководством Ж. Ле Гоффа критикуется за волюнтаризм и телеологизм, заключающийся в повторении для Европы той историографической работы, которая проделана по отношению к нациям в конце XIX в. [Rioux, 1996; Martin, 1997]. Сам Ле Гофф говорит об «активном названии» основанной им книжной серии: писать историю есть также способ творить историю. Это заставляет критиков задаваться вопросом, не является ли этот проект реактивацией новоевропейского (т.е. после 1789 г.) режима темпоральности, в рамках которого будущее указывало на суть прошлого и настоящего [Hartog, 2003, p. 161-162]. Подобное подозрение опровергается высказываниями Ле Гоффа, что сегодня возникает из вчера, и завтра приходит из прошлого. При этом речь не идет о банальной констатации хода вещей, того, что «завтра будет день опять»: такой взгляд на ход времени есть принципиальная позиция, связанная с пониманием Ле Гоффом политической истории [Le Goff, 1985]. На это указывают пояснения самого Ле Гоффа в предисловии к томам серии «Сотворение Европы», содержащие не столько констатации, сколько долженствования: «прошлое должно не парализовывать настоящее, а помогать ему стать иным, сохраняя верность самому себе, и новым в рамках прогресса». Это позволяет Франсуа Артогу саркастически заметить: «Автор „Цивилизации средневекового Запада", тот самый, который защищал идею долгого Средневековья, простирающегося от III в. н.э. до индустриальных революций Нового времени, чувствует здесь себя в своей тарелке: Европа приходит к нам издалека. Если европейская *идентичность* и существует, то, верно, нет лучшего способа представить ее себе» [Hartog, 2003, p. 162].

Для меня в этой дискуссии важны не сами Средневековье и Европа, а аргументация, которая используется участниками полемики:

речь идет о предпочтении той или иной темпоральности, об истории как долженствовании, о снятии различия между объективным ходом истории и описывающим ее субъективным действием. Это различие между субъективным и объективным сохраняется в другом понимании исторической инаковости (Средневековья), которое также не в последнюю очередь связано с именем Ле Гоффа.

Другое понимание отличий средневекового общества связано с культурной историей Средних веков. Объекты прошлого не видятся данными как таковые, в «обнаженном» виде. Первичным для исследователя становится не сама «внешняя» реальность, а то, как она означивается. Сам объект, сама реальность как таковые не просто неотделимы от своего значения, но они и существуют прежде всего как значения, смыслы, восприятия; они начинают существовать с обретением смысла. Поэтому культурная история переносит внимание исследователя с поверхности исторических явлений на то, как они внутренне воспринимались в прошлом: интерпретировались, осознавались, переживались, воображались, грезились, запоминались и т.д. Если раньше стремление постичь сами вещи как таковые независимо от их субъективных и ошибочных восприятий («историю, как она была на самом деле») могло восприниматься как наивный оптимизм, то теперь оно лишается и статуса желаемого: вещи не даны сами по себе, и чем более субъективно их осознание, их восприятие человеком прошлого, чем более оно странно и инаково, тем более историчным оно является.

Культурная история может исследовать, как и прежде, средневековую экономику, символизм, положение женщин, телесность и т.д., но они оказываются не просто, а культурно иными по сравнению с современными, что требует совершено иной, чем раньше, работы историка. Внешнее сравнение культурных значений недостаточно, необходимо их интерпретировать, постичь скрытый в них смысл. При этом особенно важны оказываются отличия средневековой системы понятий и образов, которая подлежит переводу на современный язык. Именно в рамках такого подхода появляется понятие «Другого Средневековья», связанное прежде всего с именами М. Блока и Ж. Ле Гоффа и подразумевающее отказ от объяснения прошлого в пользу его понимания.

При таком подходе к Средневековью интерес к проблеме его начала и конца утрачивается. Культурологическую медиевистику интересуют не столько объективные ритмы времени —природные, экономические или политические, — сколько их субъективные образы, индивидуальные или коллективные. Сама постановка вопроса о большей или меньшей инаковости по отношению к нашему времени той или иной эпохи становится нерелевантной, ибо всякое прошлое вообще, даже наше «собственное», даже самое «близкое» на самом деле инако-

во, требует перевода и нуждается в интерпретации; а поскольку такая интерпретация никогда не может быть исчерпывающей, то прошлое всегда должно восприниматься как иное. Средневековье становится герменевтическим Другим медиевистики.

Соответственно и проблема анахронизмов не ставится в рамках культурной истории Средневековья так же, как раньше, ибо в рамках герменевтического подхода речь больше не идет об обязательности установления соответствий явлений прошлого некоему общему временному горизонту. Важнее становятся индивидуальные, групповые, локальные и т.п. образы времени. С одной стороны, субъективность и своеобразие образов времени означает их несинхронность, анахроничность по отношению к объективному времени; и если всякое восприятие времени субъективно, то историк не может найти в прошлом ничего, кроме анахронизмов. В прошлом нет ничего более «подлинного», чем анахронизм. С другой стороны, герменевтическая операция подразумевает перевод культурно иного текста на наш язык, его перенос, «трансляцию» в современную культуру, и, таким образом, модернизация прошлого неизбежно является основой ремесла историка.

Сочетание интереса к внутренней особости прошлого и сознательной модернизации этого прошлого выглядит парадоксальным, но именно в преодолении этого кажущегося противоречия многим видится основная заслуга Ж. Ле Гоффа, одного из создателей культурно-исторического подхода к истории Средневековья. На значимость этого преодоления указывает, например, Ж.-К. Шмитт в статье о семинарах Ле Гоффа. Чтение «документов» в этом семинаре, пишет Шмитт, связано с их «избыточной интерпретацией», заключающейся во «всегда умышленном анахронизме», который, однако, «и позволяет выявить то, что есть особого в некоей культуре или эпохе» [Schmitt, 1998, p. 18-19]. На теме «игры со временем» особо останавливается также и Ж. Ревель, издавший в 1998 г. вместе со Шмиттом посвященный Ле Гоффу сборник «Историк-людоед», в котором различные исследователи говорят о значении работ Ле Гоффа для их собственных проектов. Приводя в качестве примера книгу Ле Гоффа «Интеллектуалы в Средние века», Ревель обращает внимание на то, что именно «сознательное использование диссонирующего или во всяком случае необычного» для медиевистики понятия «интеллектуалы» позволило Ле Гоффу увидеть новизну и специфичность роли клириков в обществе XII–XIII веков [Revel, 1998, p. 46-47]. Также и К. Помьян придает книге об интеллектуалах особое значение: если самая первая книга Ле Гоффа «Купцы и банкиры в Средние века» была вполне стандартной для интеллектуальной ситуации 1950-х годов, то первым поистине оригинальным произведением следует считать работу об интеллектуалах, важную

благодаря тому «удачному анахронизму» (*un heureux anachronisme*), который содержится уже в ее заглавии.

Исторические явления, однако, становятся в рамках культурной истории иными не только в вертикальной временной плоскости, но и в горизонтальном измерении социального пространства. Ее носителями могут становиться и маргинальные группы, как у Бронислава Геремека, и отдельные необычные индивиды, как у Карло Гинзбурга.

Надо отметить, что это противопоставление «внешних» и «внутренних» отличий имело свою особую традицию в историко-литературных исследованиях, где интерес к свободной авторской субъективности предшествовал констатации автономности знаковых, языковых, смысловых механизмов. Но при всех различиях истории и филологии, какие бы изменения не претерпевало в их рамках противопоставление реальности и репрезентации, в целом эта дуальная структура сохранялась, даже если объективный образ времени сменялся его субъективным переживанием или наоборот. Как отмечает Майкл Камилл в своей книге о Лутреллской псалтыри, обе категории репрезентации, реальное и воображаемое, сыграли важную роль в открытии Средневековья в XIX веке и определяли работу исследователей вплоть до наших дней [Camille, 1997, p. 27].

«Новые медиевалисты»[1] конца XX века деконструктивистски утверждают, что первичными не являются ни реальность, ни ее репрезентация, и тем самым они пытаются уйти от предшествовавшей им диалектики познания. И знаку, и реальности предшествует их различение —третий элемент конструкции, который оставался невидимым для «старых медиевалистов» и который оказывается в центре внимания теперь. Репрезентация и присутствие в равной мере вторичны по отношению к акту разделения, который вводится в целое мира таким образом, что пространства репрезентации отделяются от пространств присутствия. Лишь путем введения этого различия обретается возможность говорить и о том, и о другом. И репрезентация, и присутствие функционально зависят от фигуры различия и следуют из нее. Фигура различия, таким образом, подлинно фундаментальна. Ею нельзя пренебрегать и тем более воспринимать ее как препятствие или простое отсутствие. Именно такого рода пренебрежение, однако, можно увидеть в «старомедиевалистской» культурной истории.

1 О понятиях «медиевализм» и «медиевалист», см. [Савицкий, 2015, с. 346-349], о противопоставлении «старого» и «нового» медиевализма см.: [Freedman, Spiegel, 1998].

Проблематизация различий в исследованиях 1980–2000-х годов затрагивает не в последнюю очередь понятие «исторического изменения». Американский историк и филолог Брайн Сток еще в 1988 г. подверг критике «модернизацию» Средних веков и в целом исторического времени в современной медиевистике [Stock, 1990, p. 159-171]. Модернизация времени, как он пишет, стала следствием отказа медиевалистов конца XIX в. от представлений о Средневековье как периоде социальной и культурной статичности. Этому взгляду был противопоставлен образ меняющегося Средневековья, нашедший наиболее яркое выражение в теории Возрождения XII века, и который можно найти в работах таких известных медиевистов как Жак Ле Гофф, Колин Моррис, Элизабет Гессман и др. При этом, по мнению Стока, преодолев образ неподвижного Средневековья и уравняв эту эпоху по динамичности с Новым временем, медиевисты подвергли исключению то понятие изменения, которое содержит сама традиционная культура. Это не значит, что старые медиевалисты не исследовали средневековые представления о времени или не учитывали ритмы жизни и т.п., однако эти представления и ритмы виделись изменяющимися в прошлом согласно модернистской модели.

Этот анахронизм в подходе к Средневековью был, как уже говорилось, во многом сознательным и проявлялся не только в рассмотрении проблемы времени. Для Ле Гоффа или Дюби прошлое не существовало независимо от настоящего, и анахронизм был неотъемлемой частью работы историка. Сток, некогда участвовавший в семинаре Ле Гоффа, во многом следует ему, но при этом идет дальше и ставит вопрос о том, каким должен или может быть анахронизм, насколько неизбежна его связь именно с модернистским временем. Обращая внимание на те понятия изменения, которые существуют в рамках «традиционного» общества, Сток не имеет в виду, что мы должны или можем просто вернуться к существовавшим в Средневековье или в другие эпохи представлениям о времени (для лучшего понимания тех эпох и т.п.). Сток изначально не отделяет это иное время в различных его формах от нашего собственного объективной культурной границей, и потому в возврате, переходе от одного к другому, нет необходимости. Сток видит свою задачу в том, чтобы поставить эти времена рядом, чтобы, оказавшись рядом, они релятивизировали друг друга. В результате новоевропейское время, по мысли Стока, должно восприниматься столь же экзотическим, как и средневековые «время церкви» или «время купца». Основную проблему Сток видит в том, что появляющееся в XV–XVII веках «время архивистов и историков», оттесняющее времена церкви и купцов, многократно описывалось в своем возникновении, но не подвергалось сомнению. Это «третье время» по-прежнему обладает несравнимо большей степенью реальности, чем известные нам из книг Дюби и Ле Гоффа первые два.

Критика модернизации Средневековья вовсе не означает для Б. Стока требования еще большей историзации, более глубокого выявления «анахронизмов», которые могут быть замещены более адекватным средневековой реальности описанием. «Историзация» не противостоит «модернизации», поскольку она сама и ключевое для нее понятие «анахронизма» неразрывно связаны с новоевропейским (по определению Стока) представлением об изменении, о невозможности возврата и культурной реинскрипции. Борьба с анахронизмами поэтому не является бесспорным и единственно возможным основанием исторической профессии, а потому необходимо выйти за пределы этой преобладающей модели, основанной на новоевропейской темпоральности и в силу этого кажущейся естественной и единственно возможной.

Для Стока критика модернистской темпоральности не означает при этом просто написания еще одной истории времени или памяти, создания новой всеобщей истории или истории исторической науки и т.п., что долгое время было предметом забот старого медиевализма и культурной истории в целом. Важнее найти иные формы репрезентации прошлого, которые были бы способны учитывать существующее в рамках традиционной культуры понятие «изменения». Само это понятие, таким образом, не отбрасывается; изменение, появление нового с самого начала оказывается важной для нового медиевализма темой.

Один из примеров критики модернистской темпоральности в историописании, о которой говорит Сток, можно найти в изданной в 2003 г. книге Анджелы Вайсл «Длящийся медиевализм» [Weisl, 2003]. В ней Вайсл, в частности, берет под защиту разного рода современные инсценировки и экранизации средневековых текстов, в которых авторы нарушали границы времени, привнося в ход событий совершенно несвойственные Средневековью явления, причем делали это совершенно сознательно. Действительно, если сами средневековые авторы (например, «Романа об Энее» или «Романа об Александре») наполняли мир античных героев совершенно чуждыми их времени предметами, одевали героев в средневековые костюмы и заставляли их следовать идеалам куртуазного рыцарства, то почему подобного анахронизма не могут себе позволить и те, кто инсценируют эти средневековые произведения сегодня? Почему средневековый рыцарь не может танцевать рок-н-ролл или в более сложном случае герой Чосера — переодеться Ульрихом фон Лихтенштейном и т.п.? Не позволит ли такой анахронизм лучше понять средневековую культуру или, точнее, не понять, а преодолеть стену, возведенную по отношению к ней герменевтической темпоральностью? Средневековые тексты глубоко анахроничны, и потому такого рода «модернизирующие» инсценировки оказываются на самом

деле своей противоположностью, они ближе к средневековым способам репрезентации, чем те, что стремятся к историчности.

В качестве возможного возражения можно было бы утверждать, что анахронизм средневекового человека был непроизвольным, для средневекового автора не существовало самой дихотомии историзм/анахронизм, и потому наши осовременивающие инсценировки, привнося анахронизм и делая его заметным, вовсе не приближаются к прошлому. По этой причине историзм был бы все же предпочтительнее, ибо он не только стремится быть точным в воспроизведении средневековых реалий, но и придает им особую ауру. Историзм для нас есть такое же темпоральное бессознательное, как анахронизм для средневекового человека. Смотря исторически точный фильм, мы думаем, подобно средневековому зрителю, что мир прошлого примерно так и выглядел, даже если он и отличался на самом деле. Вопрос историчности, однако, не сводится к тому, насколько точен и исторически верен историзм, есть ли в чем упрекнуть историку-специалисту создателей того или иного фильма. Всякая репрезентация Средневековья есть нечто большее, чем набор верных или ложных сведений о нем.

Для А. Вайсл важно не только то, что сами средневековые тексты часто писались как заведомо актуализирующие прошлое. Важнее другое: не является ли сам художественный историзм сравнительно недавним изобретением, а потому элементом, функцией определенной культуры? И не сводит ли он историчность к ряду признаков, которые позволяют распознать «средневековость», подобно тому, как «римские прически», о которых писал Р. Барт в своих «Мифологиях», инсценировали античный мир в кино 1950-х?[1] Вопрос, следовательно, стоит так: стоит ли поддерживать мифологизирующий историзм, по сути своей столь же анахроничный, как рыцарский рок-н-ролл; или же следует признать более предпочтительным анахроничное подчеркивание различия между «самим» средневековым текстом и всякой его современной репрезентацией, постоянно разрушающее у читателя ощущение законченной, завершенной идентичности средневекового произведения?

Иными словами, здесь снова идет речь об инаковости прошлого, о невозможности его полного перевода на язык нашей культуры; но при этом имеется в виду не минимизация существующих различий, а умножение их, своего рода борьба с иллюзией идентич-

1 Для Барта были важны не сами прически и их достоверность, а идеологические коннотации, которые привносились этими историзирующими инсценировками, сообщающими «достоверности» определенное политическое значение.

ности и связанным с ней стремлением к пониманию, к «освоению территории прошлого». Такие устремления нового медиевализма оказываются прямо противоположными эпистемологическим желаниям старого. Отказ от приближающего понимания прошлого ради его негерменевтического присутствия только кажется противоречивым, ибо именно создание такого присутствия позволяет преодолеть культурные практики модернизма, связанные с герменевтикой, с отграничиванием и исключением Другого.

Можно было бы сказать, что упоминаемые А. Вайсл фильмы с их анахроничностью просто бездарны, как и сочинения большинства историков, не способных представить себе иного мира, кроме собственного. Дело здесь в сознательном анахронизме создателей фильмов, в том, что не существует однозначных эпистемологических и морально-политических оснований, чтобы предпочесть одну форму историзма другой, историзм — анахронизму или наоборот. Вайсл не поясняет конкретно, применительно к каждому из упоминаемых ею фильмов, в чем смысл того или иного использования анахронизма; вероятно, инвентаризация уже наличных смыслов не входила в ее намерения. Для Вайсл важнее было показать то, сколь мало современный медиевализм, возникающий в работах профессиональных историков, отличается от массовой культуры нашего времени, воплощением которой в ее книге выступают бейсбольные звезды и болельщики. Дело не в том, насколько верны создаваемые старым медиевализмом образы Средневековья, переносятся ли в него или нет элементы современного опыта, а в том, что именно видит историк в этом прошлом, о чем он напоминает читателю, что он относит к генеалогии современности.

Новый медиевализм противопоставляет себя, таким образом, не просто старому медиевализму как академическому явлению, а медиевализму, существующему ныне как фрагмент более широкой культуры. Он за иное Средневековье, но не с точки зрения идеалов истористского позитивизма, ибо они сами, как, например, это показывает Р.Х. Блок во введении к своей книге о Марии Французской [Bloch, 2003, p. 1-24], лишь создают отражение собственной культуры историка, пытающегося, например, найти автора там, где налицо нарочитая анонимность, и неизменно наделяющего неизвестного автора стандартными гендерными характеристиками человечности, спонтанности, интуитивности, естественности, простоты, деликатности, скромности, ясности, искренности, христианского благочестия и способности создавать чувство комфорта (мужчине-медиевисту). В ситуации, когда о Марии Французской не известно ничего, все эти характеристики основываются на одном лишь предположении, что автором известных лэ действительно была женщина.

В заключение я хотел бы еще раз вернуться к понятию *preposterous*, которое, как уже говорилось, отмечает странность и противоестественность как временную нестабильность. Примечательно также то, что это слово в классической латыни было связано не только и, может быть, не столько с временным местом, сколько с местом пространственным, с неправильным расположением чего-либо в тексте или речи, что как раз и создает ощущение путаницы, разлаженного порядка. В цицероновской традиции, важной и в Средние века, время, память о прошлом организовывалось через пространственные образы; формы времени оказывались производными от них. К этой идее риторического, а не объективно-физического характера времени обращаются и новые медиевалисты, что оказывается для них способом поставить под вопрос якобы объективную и непреодолимую границу между прошлым и настоящим, сделать политически обсуждаемым то, что ранее рассматривалось как данность. Все это, на мой взгляд, важно учитывать, сталкиваясь с текстами вроде «Данте в Восточном экспрессе» или «Экофеминистские субъективности у Чосера».

Библиография

Савицкий Е.Е. (2015) «Новый медиевализм» четверть века спустя. *Новое литературное обозрение.* 135: 346-354.

Biddick K. (2001) Translating the Foreskin. Burger G., Kruger S.F. (eds) *Queering the Middle Ages,* Minneapolis: University of Minnesota Press: 193-212.

Bloch R.H. (2003) *The Anonymous Marie de France,* London, Chicago: University of Chicago Press.

Borgolte M. (2001) Vor dem Ende der Nationalgeschichten? Chancen und Hindernisse für eine Geschichte Europas im Mittelalter. *Historische Zeitschrift*, 272: 561-596.

Borgolte M. (2004) Kulturelle Einheit und religiöse Differenz: Zur Verbreitung der Polygynie im mittelalterlichen Europa. *Zeitschrift für historische Forschung,* 31 (1): 1-36.

Burger G., Kruger S.F. (eds) (2001) *Queering the Middle Ages,* Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.

Camille M. (1977) *Mirror in Parchment: The Luttrell Psalter and the Making of Medieval England,* London, Chicago: Chicago University Press.

Cohen J.J. (2000) *The Postcolonial Middle Ages,* N.Y.: Palgrave.

Escudier A., Sauzay B., Thadden R. von. (eds) (2001) *Gedenken im Zwiespalt. Konfliktlinien europäischen Erinnerns,* Göttingen: Wallstein.

Freedman P., Spiegel G.M. (1998) Medievalisms Old and New: The Rediscovery of Alterity in North American Medieval Studies. *American Historical Review,* 103 (3): 677-704.

Goez W. (2000) *Kirchenreform und Investiturstreit, 910-1122*, Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer.

Hartog F. (2003) *Régimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps*, Paris: Seuil.

Kelly J. (1984) *Women, History and Theory*, London; Chicago: Chicago University Press.

Kordecki L. (2011) *Ecofeminist Subjectivities: Chaucer's Talking Birds*, N.Y.: Palgrave.

Le Goff J. (1985) *L'histoire politique est-elle toujours l'épine dorsale de l'histoire? Idem. L'imaginaire médiéval*, Paris: Gallimard: 333-349.

Le Goff J. (2003) *L'Europe est-elle née au Moyen Age?* Paris: Seuil.

Martin J.-C. (1997) Pour une histoire «principielle» de l'Europe. *Vingtième siècle: Revue d'histoire*, 53: 124-128.

Mitterauer M. (2004) *Warum Europa? Mittelalterliche Grundlagen eines Sonderwegs. 3.* Aufl. München: C.H. Beck.

Revel J. L'homme des "Annales"? Schmitt J.-C. (eds) *L'Ogre historien: Autour de Jacques le Goff*, Paris: Gallimard, p. 33-54.

Rioux J.-P. (1996) Pour une histoire de l'Europe sans adjectif. *Vingtième siècle: Revue d'histoire*, 50: 101-110.

Rosemann P.W. (1999) *Understanding Scholastic Thought with Foucault*, N.Y.: Palgrave.

Ruthven K.K. (2004) Preposterous Chatterton. *English Literary History*, 71 (2): 345-375.

Scala E., Federico S. (eds) (2009) *The Post-Historical Middle Ages*, N.Y.: Palgrave.

Schmitt J.-C. (1998) Le seminaire. Revel J., Schmitt J.-C. (eds) L'Ogre historien: Autour de Jacques le Goff. Paris: Gallimard, p. 17-32.

Skinner P. (2003) Confronting the «Medieval» in Medieval History: The Jewish Example. *Past and Present*. 181: 219-247.

Smith J.M.H. (2000) Did Women Have a Transformation of the Roman World? *Gender and History*, 12: 552-571.

Stock B. (1990) *Listening for the Text: On the Uses of the Past*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Weisl A.J. (2003) *The Persistence of Medievalism: Narrative Adventures in Contemporary Culture*, N.Y.: Palgrave.

References

Biddick K. (2001) Translating the Foreskin. Burger G., Kruger S.F. (eds) *Queering the Middle Ages*, Minneapolis: University of Minnesota Press: 193-212.

Bloch R.H. (2003) *The Anonymous Marie de France*, London, Chicago: University of Chicago Press.

Borgolte M. (2001) Vor dem Ende der Nationalgeschichten? Chancen und Hindernisse für eine Geschichte Europas im Mittelalter. *Historische Zeitschrift*, 272: 561-596.

Borgolte M. (2004) Kulturelle Einheit und religiöse Differenz: Zur Verbreitung der Polygynie im mittelalterlichen Europa. *Zeitschrift für historische Forschung*, 31 (1): 1-36.

Burger G., Kruger S.F. (eds) (2001) *Queering the Middle Ages*, Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.

Camille M. (1977) *Mirror in Parchment: The Luttrell Psalter and the Making of Medieval England*, London, Chicago: Chicago University Press.

Cohen J.J. (2000) *The Postcolonial Middle Ages*, N.Y.: Palgrave.

Escudier A., Sauzay B., Thadden R. von. (eds) (2001) *Gedenken im Zwiespalt. Konfliktlinien europäischen Erinnerns*, Göttingen: Wallstein.

Freedman P., Spiegel G.M. (1998) Medievalisms Old and New: The Rediscovery of Alterity in North American Medieval Studies. *American Historical Review*, 103 (3): 677-704.

Goez W. (2000) *Kirchenreform und Investiturstreit, 910-1122*, Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer.

Hartog F. (2003) *Régimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps*, Paris: Seuil.

Kelly J. (1984) *Women, History and Theory*, London; Chicago: Chicago University Press.

Kordecki L. (2011) *Ecofeminist Subjectivities: Chaucer's Talking Birds*, N.Y.: Palgrave.

Le Goff J. (1985) *L'histoire politique est-elle toujours l'épine dorsale de l'histoire? Idem. L'imaginaire médiéval*, Paris: Gallimard: 333-349.

Le Goff J. (2003) *L'Europe est-elle née au Moyen Age?* Paris: Seuil.

Martin J.-C. (1997) Pour une histoire «principielle» de l'Europe. *Vingtième siècle: Revue d'histoire*, 53: 124-128.

Mitterauer M. (2004) *Warum Europa? Mittelalterliche Grundlagen eines Sonderwegs. 3.* Aufl. München: C.H. Beck.

Revel J. L'homme des "Annales"? Schmitt J.-C. (eds) *L'Ogre historien: Autour de Jacques le Goff*, Paris: Gallimard, p. 33-54.

Rioux J.-P. (1996) Pour une histoire de l'Europe sans adjectif. *Vingtième siècle: Revue d'histoire*, 50: 101-110.

Rosemann P.W. (1999) *Understanding Scholastic Thought with Foucault*, N.Y.: Palgrave.

Ruthven K.K. (2004) Preposterous Chatterton. *English Literary History*, 71 (2): 345-375.

Savitskii E. (2015) «Novii medievalizm» chetvert veka spustia [The «New Medievalism» twenty five years later] *Novoe literaturnoe obozrenie.* 135: 346-354.

Scala E., Federico S. (eds) (2009) *The Post-Historical Middle Ages*, N.Y.: Palgrave.

Schmitt J.-C. (1998) Le seminaire. Revel J., Schmitt J.-C. (eds) L'Ogre historien: Autour de Jacques le Goff. Paris: Gallimard, p. 17-32.

Skinner P. (2003) Confronting the «Medieval» in Medieval History: The Jewish Example. *Past and Present.* 181: 219-247.

Smith J.M.H. (2000) Did Women Have a Transformation of the Roman World? *Gender and History*, 12: 552-571.

Stock B. (1990) *Listening for the Text: On the Uses of the Past*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Weisl A.J. (2003) *The Persistence of Medievalism: Narrative Adventures in Contemporary Culture*, N.Y.: Palgrave.